

АНАТОЛИЙ ЦЫГАНОВ

ТАНЬКА

РАССКАЗ

В детстве я часто болел, поэтому друзей среди сверстников у меня не было. Когда голопузые сорванцы играли в лапту, которую у нас называли по-своему — “бить-бежать”, — я лежал с очередным воспалением лёгких. Потом с трудом выздоравливал, и гоняться за подзагоревшими на весеннем солнце пацанами уже не мог. Даже незначительные нагрузки вызывали сильнейшее сердцебиение и одышку. Чаще всего я уходил в ближайший лес и, представляя себя знаменитым охотником, гикал и аукал в кустах ивыняка, в изобилии росшего по берегам мелководной речушки, носящей громкое название Барлак.

Из леса таскал домой разные коряги, которые в моём представлении казались охотничьими трофеями, добытыми в неравной схватке с дикими зверями. Корягами я постоянно захламлял ограду, за что мне не раз попадало от родителей. Однажды, сгибаясь под тяжестью очередной добычи, я увидел, как в соседний дом въезжали новые жильцы. Я остановился и с любопытством стал наблюдать за необычным процессом. Необычным было то, что из кузова машины выносили непривычные для сельской местности вещи. Это были и огромные напольные часы, и громадный радиоприёмник, и большой коричневый комод. Для нас, деревенских жителей, пределом мечтаний были часы-ходики с двумя гирьками да круглая тарелка динамика, работающая от общей сети подключения местного радиоузла.

ЦЫГАНОВ Анатолий Фёдорович родился в 1949 году в селе Сосновка Новосибирской области. После окончания Новосибирского геологоразведочного техникума в 1970 году направлен работать в республику Коми, г. Воркута. Работал в полевых партиях. Прошёл путь от техника до начальника партии. Окончил заочно Ухтинский государственный технический университет по специальности «геофизика». С 1988 года живёт в г. Ухта. В настоящее время работает ведущим геофизиком ОАО «Севергеофизика».

Я стоял, разинув рот и позабыв о своей ноше, как вдруг в окно кто-то постучал. Через стекло на меня смотрела девчонка с двумя рыжими косичками, торчащими одна — вверх, а другая — в сторону. Она призывно махнула мне маленькой ручкой и в мгновение ока исчезла.

Я положил корягу и с опаской взойшёл на крыльцо. Робко переступив порог, я оказался в обставленной по-городскому квартире. Большой кожаный диван занимал немалую часть комнаты. В углу стоял знакомый комод и часы, которые только что внесли и ещё не установили на место. Три книжных шкафа были до отказа заполнены книгами. А самое интересное было то, что посреди комнаты стояло кресло-качалка. В кресле сидела та самая девчонка, которая махала мне из окна. Ноги её были укутаны тёплым одеялом. Меня это очень удивило — на дворе июль, а она так тепло укутана.

— Тебя как зовут? — приветливо спросила обладательница непокорных косичек.

— Толька. А ты — Танька. Вы недавно приехали. Я видел, как ваши вещи сгружали. Твой отец у нас на радиоузле работать будет. Мама говорит, тебе лечиться надо. Ты что — больная?

— Да, мы в городе жили. У меня вот, ёлки-зелёные, ноги болят. Врачи говорят — свежий воздух нужен. Природа всё может вылечить. Нам и пришлось переехать. А ты что тащишь?

— Это я лося подстрелил, — гордо ответил за меня знаменитый охотник.

— Здорово, ёлки-зелёные. Я, когда поправлюсь, тоже буду на охоту ходить. Я лук и стрелы умею делать, как в племени делаваров.

Тогда я ещё не знал, кто такие делавары, и мне это слово поначалу не понравилось. Мы ещё поговорили о разных делах, и я понял, что нашёл родственную душу.

Прошло два месяца. Танька поправилась. Она стремительно порхала по двору, сметая всё вокруг. Она как будто хотела наверстать упущенное и в своём стремлении заражала энергией окружающих. Подруг она не признавала. Куклами и тряпками она не интересовалась, а мальчишки её сторонились, настороженно воспринимая Танькины попытки к сближению. Поэтому во всех наших играх присутствовали только вымышленные друзья. Но какие это были люди! Мы плыли вокруг света с каравеллами Магеллана. Стремилась на Север с Георгием Седовым, искали Землю Санникова. Что только мы ни предпринимали, стараясь быть похожими на героев прочитанных книг, которыми были забиты книжные шкафы дяди Паши — отца Таньки, в прошлом радиста полярной метеостанции.

Мы особо никого не пускали в наш придуманный мир, лишь однажды, когда мы играли в аборигенов Австралии, к нам прилип соседский мальчишка — Петька.

Петька был на год младше меня и вечно шмыгал сопливым носом. Его отовсюду гнали, и он уговорил нас взять его с собой в Австралию. Чтобы испытать нового члена экспедиции, мы решили проверить его на выдержку. Я как раз изготовил бумеранг аборигенов, и Танька задумала испытать его на Петьке. По замыслу Таньки я должен был пустить бумеранг в Петьку, бумеранг должен был лететь прямо на него, затем обогнуть его по дуге и вернуться ко мне в руки.

При этом мы убивали двух зайцев: испытывали Петькину выдержку и определяли лётные качества бумеранга. Мы поставили Петьку на открытой лужайке, я хорошенько размахнулся и запустил бумеранг. Бумеранг, пролетев расстояние до Петьки, почему-то не захотел огибать препятствие, и ударил жертву прямо в лоб. На лбу вскочила огромная шишка, и Петька побежал жаловаться родителям. Нам здорово влетело, а Танька сказала, что Петька хлопик и не годится для наших будущих экспедиций. Я с ней согласился, так как рядом со Шмидтом, Крузенштерном и Колумбом Петька явно проигрывал. И большинством голосов мы исключили его из нашего коллектива.

В лесу мы построили хижину из подручного материала. Крышу слепили из старых кусков железа и на стену повесили на цепях тяжёлую корягу, вытасченную из реки, которую считали настоящим бивнем мамонта, так как попытки резать её ножом не привели ни к какому результату. Рядом я пове-

сил выструганный из деревяшки охотничий нож, который Танька выкрасила акварельной краской. Получилось очень даже здорово. Особенно нам нравились сидеть в хижине, когда надвигался дождь и барабанил по листам железа, а нам внутри было сухо и уютно. Если дождь заставлял нас вдали от хижины, мы мчались домой к Таньке, где всегда никого не было. Мать и отец целыми днями пропадали на радиостанции, что-то там отлаживая и ремонтируя. Мы вытирались насухо широким махровым полотенцем. Я таких никогда не видел. У нас, деревенских, в ходу были льняные и вафельные. Забирались под одеяло и начинали строить планы будущих экспедиций. Поначалу я стеснялся Таньки. Но она, будучи на два года старше, строго сказала, что если мы решили быть всегда вместе, то надо привыкать друг к другу. Особенно если мы будем двигаться к Северному полюсу, здесь уж не до стеснений. Закон выживания гласит, что вместе всегда теплее, а тепло — это главное в Арктических льдах, и тут уж выбирать не приходится.

Я придвигался ближе к Танькиному плечу и смотрел, как бьётся жилка у неё на тонкой шее. Сердце моё замирало от ощущения надёжности и покоя, и я засыпал под голос будущей спутницы в великих путешествиях. Танька обижалась и преобольно пихала меня в бок. Я просыпался и снова слушал её убаюкивающий голос и соглашался со всеми её придумками.

Особенно нас взволновала судьба экспедиции Русанова. Больше всего поразило то, что экспедиция пропала и никого так и не нашли. Мы представляли, как измученные люди пробиваются сквозь льды, как находят Землю Санникова. Там они остались и ждут помощи. Видели же Землю Санникова многие полярники, значит, она существует. Надо идти на поиски пропавшей экспедиции. Мы твёрдо встали на этот нелёгкий путь и поклялись, что выполним нашу задачу. В конце концов, не так уж много времени прошло после пропажи Русанова и его людей — каких-то сорок-пятьдесят лет. Конечно, он уже не молод, но он должен быть жив. Наша задача — найти Землю Санникова. А там мы встретим самого Русанова.

К тому времени, как мы утвердились в своей идее, наступила зима, и мы принялись за подготовку к длительной экспедиции на Север. Для выполнения этой задачи нам было нужно надёжное оборудование. И в первую очередь — собачья упряжка и нарты. Как выглядят нарты, мы уже имели представление, почерпнутое из рисунков и фотографий. Соорудить нечто подобное из беговых лыж было делом простым. Конечно, пришлось пожертвовать парой охотничьих лыж из личных вещей дяди Паши, но он нас должен был простить. У нас же была героическая задумка — спасти людей!

Собрав соседских дворняг, мы связали их в общую упряжь, привязали к нартам и попытались сдвинуться с места. Собаки рванули в разные стороны и, запутавшись в постромках, подняли отчаянный визг. Еле распутав животных, мы глубоко задумались. Нужен был какой-то толчок, чтобы собаки потянули нарты. Танька быстро нашла выход. Она сказала, что если взять кошку и пустить её впереди своры, то собаки дружно потянут нарты, а там только успевай ими управлять. Как управлять нартами, мы понятия не имели. На следующий день я снова связал пойманных дворняг, сел в нарты и стал ждать Таньку. Танька гордо вышла из дома, пальто топорщилось, выдавая спрятанную за пазухой ношу.

Она отошла на двадцать шагов и крикнула, подражая крику филина. Это означало готовность номер один. Я вцепился в нарты, Танька бросила кошку на снег... Всё что я запомнил — это дружный вопль собак, белый вихрь снега и внезапно выросший перед глазами телеграфный столб.

Очнулся я на кожаном диване в Танькиной квартире. Надо мной хлопотала её мама, а сама Танька взахлёб редела в углу. Рядом с ней валялся широкий отцовский ремень. Всё было понятно без слов. Шрам над виском до сих пор напоминает мне ту неудавшуюся спасательную экспедицию!

С нас взяли страшную клятву, что мы больше не будем брать чужие вещи — имелись в виду дяди Пашины лыжи — и прекратим мучить животных. Клятву мы охотно дали, потому что лыжи всё равно были сломаны, а животных мы не мучили — это были издержки подготовки к сложному переходу по льдам Арктики.

После краха первой попытки спасательной экспедиции мы задумались о замене собак чем-то более надёжным. Конечно, в стране были и самолёты, и пароходы, и даже дирижабли. Но нам они были не по карману. Мы решили, что пройти к Земле Санникова надёжнее всего на лыжах. Танька твёрдо заявила, что на лыжах пойду я, а она разобьёт базовый лагерь, и будет поддерживать со мной связь по радию. Танька тоже очень хотела пойти со мной, но она знала, что не дойдёт, — у неё больные ноги. С моим здоровьем тоже не всё было в порядке. Я был хилый и болезненный. С первой проблемой справились быстро — Танька отыскала две половинки кирпича и заставляла меня постоянно поднимать их над собой. Вторую проблему решили путём закаливания. Закаливаться надо было постепенно, но нас поджимало время, и Танька быстро нашла выход. Надо было начать обливаться ледяной водой, а потом перейти на купание в проруби.

Набрав два ведра воды, мы выставили их на мороз, дождалась, когда вода покроется ледком, я разделся до плавок, и Танька бухнула на меня оба ведра. Я чуть-чуть попрыгал на улице, чтобы закрепить полученный эффект и растёрся полотенцем. К вечеру у меня поднялась температура, и я надолго слёг с двухсторонним воспалением лёгких. Когда выздоровел, общее собрание двух наших семей постановило, что дальнейшее продолжение нашей дружбы чревато очень серьёзными последствиями. Нам запретили встречаться, и постепенно все успокоились.

Мы тоже сделали вид, что больше друг друга не интересуем. Но когда родители уходили на работу, я по-прежнему убегал к Таньке, и мы читали книжки и строили далеко идущие планы.

Потом дяде Паше предложили хорошую должность в городе, и они уехали. Я сильно тосковал по своей подружке, но постепенно новые увлечения вытеснили детские воспоминания, и я стал забывать две непокорные рыжие косички и вздёрнутый Танькин носик.

Окончив школу, я, как и большинство моих сверстников, поддавшись угловорам совхозного руководства, поступил в сельскохозяйственный институт. Отучившись два курса, я затосковал. Это было не для меня. Я не понимал, зачем мне состояние агротехники и экономические показатели сельскохозяйственных районов. С этим чувством я и приехал домой на очередные каникулы.

По-прежнему пропал в лесу и, задумавшись, подолгу сидел на берегу Барлака. Однажды, возвращаясь домой, я увидел во дворе знакомые рыжие косички. Танька нисколько не изменилась. Она стала более женственна, но всё так же стремительна была её походка, и всё так же она мчалась, создавая вокруг вихревые потоки и сметая всё на своём пути.

— Толька, ёлки-зелёные! Что я узнала! Ты в сельхозинституте! Ты что — забыл, о чём мы мечтали? Ты совсем офонарел! Ты же прокиснешь на своих пестиках вместе с дурацкими тычинками! Мы же с тобой мечтали о Севере, об Арктике, о путешествиях. Ты — предатель, Толька!

Танька, наконец, успокоилась:

— Ты знаешь, я сейчас работаю геофизиком. Это так интересно. Вот где простор для исследователя.

— А как же твои ноги? — перебил я поток упрёков.

— Чудак! Какие ноги? Сейчас современная техника, вертолёты, вездеходы. А какая аппаратура! Ты себе представить не можешь, на какой аппаратуре мы работаем! Эх ты. Прокисшая твоя душа!

Танька ещё долго ругала меня, вспоминая наши похождения. На следующий день она уехала. Я даже не узнал её адреса. В вихре воспоминаний это казалось такой мелочью.

Через два дня я вернулся в институт, забрал документы и пошёл поступать в геологоразведочный техникум. Моя мать долго плакала и ругала Таньку. Но я твёрдо заявил, что Танька здесь ни при чём, и как дальше мне жить — это уже мои проблемы. Мать согласилась и успокоилась.

Окончив техникум, я уехал на Север. Искал ли я Таньку? Наверное, нет. Постепенно я забыл рыжие косички моей подружки. Быт затянул своей монотонностью. Лишь иногда накатывала непонятная тоска по родным местам и далёкому детству.

И вдруг судьба снова столкнула нас неожиданным образом. Однажды я оказался, не помню уже по каким делам, в геологическом управлении родного города. Шагая по коридору, я увидел до боли знакомую стремительную походку и непокорные рыжие волосы. Это была всё та же Танька. Я тихонько подошёл к ней сзади и прошептал наш полузабытый пароль. Танька вздрогнула и резко всем телом повернулась ко мне.

— Ты-ы? Ёлки-зелёные! Как ты здесь? Что ты здесь делаешь? Почему ты здесь?

Поток вопросов в одно мгновение выплеснулся на мою голову. Я рассказал ей всё. Мы забыли, зачем мы здесь, что происходит вокруг. Она работает в институте, закончила аспирантуру и теперь пишет диссертацию по гравиразведке. Завтра улетает на Полярный Урал и вернётся только осенью. Наша встреча была счастливым стечением обстоятельств. Ещё несколько минут — и она бы ушла. Её задержала машинистка, у которой забарахлила пишущая машинка. Это было здорово! Мы говорили и не могли наговориться, вспоминали и рассказывали друг другу о своей жизни. Мы договорились встретиться, когда она вернётся и у неё появится много свободного времени.

...Танька погибла глубокой осенью, возвращаясь с отрядом топографов. Вертолёт уже летел на базу, но попал во встречный воздушный поток. Машину начало крутить и вынесло на скалы. Пилоты уже не могли ничего сделать. Поисковая группа нашла только обгоревшие обломки вертолэта. Тел так и не обнаружили...

Над моей кроватью висит на цепях настоящий бивень мамонта, вид у него невзрачный. Он скорее похож на кусок коряги из моего детства. Рядом висит охотничий нож, с которым я исколесил полтундры. Мои домашние постоянно раздражаются от вида этих “украшений”. Много раз они пытались снять портящие общий вид вещи, но я упорно вывешиваю их на свои места. А над моим рабочим столом висит большая карта, где еле заметной точкой обозначено место гибели Таньки.

Я подолгу всматриваюсь в эту точку, и мне кажется, что Танька жива, ведь тела её так и не нашли, как и тела Русанова. Может, она ушла на поиски Земли Санникова и сейчас ждёт моей помощи.